

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ

О.В. Герасимов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара

Для цитирования: Герасимов О.В. Трансформация исторического дискурса и проблема времени // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 7–8. – С. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.9-13>

Поступила: 20.10.2020

Одобрена: 05.11.2020

Принята: 15.12.2020

▪ Статья посвящена анализу трансформации исторического дискурса в современном историописании и её взаимосвязи с проблемой исторического времени. Показано, что со второй половины XX в. репрезентация прошлого постепенно смещается от научной историографии, как она сформировалась в XIX столетии, к исследованиям памяти. В отличие от дистанцирования от прошлого, свойственного исторической науке, исторической памяти присущи эмоциональная и экзистенциальная напряжённость, вовлечённость прошлого в настоящее. Это стало возможным не только вследствие трагических событий XX в., но и в силу изменений темпорального режима современного общества. Линейное восприятие времени, характерное для человека Нового времени, уступает место «постисторическому» времени, отличающемуся нелинейностью и обратимостью, что и позволяет актуализировать прошлое с помощью мемориальной политики. Изменение восприятия исторического времени порождает изменения в восприятии прошлого и, как следствие, ведёт к трансформации исторического дискурса.

▪ **Ключевые слова:** исторический дискурс; историческая память; историческое время; мемориальная политика; мемориальные войны; историописание; историография.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL DISCOURSE AND THE PROBLEM OF TIME

O.V. Gerasimov

Samara State Transport University, Samara, Russia

For citation: Gerasimov O.V. Transformation of historical discourse and the problem of time. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2020;(7-8):9–13. DOI: <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.4.9-13>

Received: 20.10.2020

Revised: 05.11.2020

Accepted: 15.12.2020

▪ The article is devoted to the analysis of the transformation of historical discourse in modern writing of history and its relationship with the problem of historical time. The author shows that since the second half of the 20th century, the representation of the past has been gradually shifting from scientific historiography, as it was formed in the 19th century, to the memory studies. Unlike distancing from the past inherent in historical science, historical memory is characterized by emotional and existential tension, the involvement of the past in the present. This became possible not only as a result of the tragic events of the 20th century, but also due to changes in the temporal regime of modern society. The linear perception of time, peculiar to a modern man, is giving way to “post-historical” time characterized by non-linearity and reversibility, which makes it possible to actualize the past with the help of memorial policy. A change in the historical time perception gives rise to changes in the perception of the past and, as a result, leads to a transformation of historical discourse.

▪ **Keywords:** historical discourse, historical memory, historical time, memorial policy, memorial wars, writing of history, historiography.

История как образ прошлого, присущий тому или иному социуму, в своём развитии от «рождения» до настоящего времени прошла различные стадии и приобретала различные институциональные формы. Сложившаяся в XIX столетии «классическая» модель репрезентации прошлого представляла собой, прежде всего, научный дискурс, в рамках которого историк пишет историю, по словам Леопольда фон Ранке, так, «как всё было на самом деле». Неклассическая философия истории XX в. внесла существенные коррективы в достаточно наивные представления Ранке и других представителей исторической науки, но, тем не менее, общий пафос историографии и её нацеленность на реконструкцию прошлого сохранялся и позднее. Однако в историческом сознании со второй половины XX в. начались существенные трансформации, продолжающиеся по сей день. Французский исследователь Пьер Нора пишет: «Мы живём в эпоху всемирного торжества памяти. В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому» [5]. Новая волна изменений форм и способов исторической репрезентации происходит в последние годы, обращение к исторической памяти усиливается в таких странах, как Россия [6] и США. Трансформация исторического дискурса и его смещение от историографии к памяти — это не просто изменение формы репрезентации прошлого, она затрагивает гораздо более глубокие аспекты взаимоотношения социума и его истории, включая изменения в восприятии исторического времени. В свою очередь, процессы изменения социальной жизни современного человека оказывают не меньшее воздействие на восприятие времени, о чём в последнее время писали такие исследователи, как Герман Люббе [3], Алейда Ассман [1], М.Б. Ямпольский [9].

В настоящей статье анализируется взаимосвязь трансформации исторического дискурса от историографии к исторической памяти в контексте изменений в восприятии прошлого, характерных для исторического сознания современности и, прежде всего, в горизонте изменения восприятия времени. На наш взгляд, именно новые формы исторического времени, обнаруживаемые в сознании современного человека и отмеченные в упомянутых выше исследованиях Люббе и Ямпольского, выступают необходимой предпосылкой нового отношения к исторической памяти, которую демонстрируют события последних лет. Нет никакого сомнения в том, что историческая

и мемориальная политики существуют достаточно давно, но именно в последние десятилетия они оказываются на переднем крае того, что, используя слова Люсьена Февра, можно назвать «боями за историю».

Прежде всего следует отметить, что историческая память не тождественна воспоминаниям о прошлом, которыми обладают люди или социальные группы, пережившие непосредственно те или иные события. Напротив, говоря словами Мориса Хальбвакса, она выступает «социальными рамками» памяти индивидов и социальных групп [7], своего рода матрицей, на которую последние накладывают свои личные воспоминания (при этом нередко случается их подмена). Выступая в качестве существенного компонента социальной памяти общества, историческая память в то же время не может быть отождествлена и с ней, поскольку социальная память включает в себя неотрефлексированные социальные практики, порождённые опытом социальной жизни в прошлом. Историческая память, напротив, характеризуется институциональностью, нередко закрепляемой с помощью правовых инструментов. Историческая память выступает продуктом исторической политики, целью которой является стремление элитных и контрэлитных групп легитимизировать своё положение и сформировать образ прошлого, который, с их точки зрения, наилучшим образом подходит для целей государственного строительства и формирования национальной идентичности. В силу этого «войны памяти», «мемориальные войны» становятся привычным ландшафтом внешней и внутренней политики современных государств. Примером первого могут служить «войны памяти» на постсоветском пространстве, примером второго — события вокруг памятников и трактовки истории Гражданской войны в США. На наших глазах кардинально меняется отношение общества к собственному прошлому, которое перестаёт быть чем-то безвозвратно ушедшим, но которое теперь вновь и вновь актуализируется как неотъемлемая часть настоящего, социальной жизни «здесь и сейчас». Каковы истоки и причины такой трансформации?

Происхождение того чувства истории, которое определяло отношение к прошлому новоевропейского человека, уходит своими корнями в христианскую эсхатологию. Библейское происхождение идеи истории объясняет всю специфику истории эпохи античности, выраженной в таких институциональных формах, как анналы, свидетельства участников событий (Ксенофонт) и морализи-

рующие жизнеописания (Плутарх, Светоний). Античная историография и биография носят, скорее, характер политической, а не исторической репрезентации. Оценивая достоинства исторических сочинений Фукидида, О.Г. Шпенглер пишет, что основанием их выступает «*практический опыт* (курсив автора — О.Г. Шпенглера), который, к сожалению, путают с чувством исторического... Что, однако, осталось для него всецело недоступным — это тот наделённый перспективой взгляд на историю столетий, который ... понятие историка должно включать в себя как нечто само собой разумеющееся. Все славные творения в жанре античного исторического повествования ограничиваются политической современностью автора...» [8, с. 20–21]. С известными оговорками мы вынуждены согласиться с доводами Шпенглера, и только, пожалуй, Полибий до известной степени отличается от прочих историков античности и приближается к телеологическому взгляду на происходящее, что является необходимой предпосылкой появления Истории. Христианская историософия, хотя и размыкает круг времени, выстраивая его линейную направленность, всё же говорит преимущественно о делах небесных, о вечных смыслах, в противовес временности пребывания человека в земной жизни. Однако процессы секуляризации эсхатологического сознания христианства, перенесение акцента с дел небесных на дела земные порождают исторический образ истории как устремлённости в то или иное «светлое» будущее, будь то «цивилизация» Просвещения, правовое государство Гегеля или коммунизм Маркса. Прогресс и инновации становятся оборотной стороной подобного отношения к прошлому. На этих основаниях и выстраивается исторический дискурс XIX–XX столетий, подразумевающий историю как ушедшее прошлое, которое подлежит реконструкции в целях научного познания как самого прошлого, так и современного человека как его продукта, в целях самопознания социума ради его будущего. Предполагается, что прошлое должно служить нам образцом и уроком того, как надо и как не надо это будущее выстраивать. Первые проявления кризиса подобной модели репрезентации прошлого М. Ямпольский обнаруживает в философии Фридриха Ницше, в его идее «вечного возвращения» [9, с. 9]. Постановка Ницше проблемы о «пользе и вреде» истории для общества и общественного развития была, без сомнения, революционной для своего времени [4]. Сегодня, однако, мы видим, что всё большее число исследователей обоснованно ставят под сомнение то, что

история позволяет нам извлекать из неё уроки, которые могли бы помочь нам избежать ранее совершённых ошибок в настоящем и будущем [11, с. 132]. Это наглядно показывает нам, что линейность исторического времени, характерная для исторического сознания Нового времени, уступает место новому темпоральному режиму, в котором время утрачивает свою линейность и необратимость. Таким образом, изменение восприятия времени современным человеком создаёт благоприятные возможности для распространения исторической памяти и *memory studies* как доминирующего способа репрезентации прошлого. Сдвиг от истории к памяти, характеризующий особенности развития исторического сознания послевоенной эпохи, был не только следствием исторических травм, связанных с событиями Второй мировой войны, вследствие чего и возник запрос на недвусмысленную морально-этическую и правовую оценку этих событий (например, Холокоста). В значительной степени это имеет своё основание в общих особенностях развития западной цивилизации во второй половине XX в., проявившихся в ускорении прогресса техники и технологий, высоких темпах социальных изменений. Арнольд Гелен в 1952 г. вводит понятие «постистории» [9, с. 12]. «Постисторический» человек живёт в новой социальной и темпоральной реальности, которую Г. Люббе характеризует следующим образом: «Увеличение скорости инноваций сокращает темпоральное пространство актуальной значимости нового. <...> Сокращение настоящего означает, что в темпоральном отношении прошлое всё ближе придвигается к настоящему» [3, с. 95–96]. Непосредственным следствием сокращённого пребывания в настоящем и нарастающего производства артефактов являются тотальные музеификация и архивизация культуры. Революция потребления, информационное общество кардинально меняют ценность «слов и вещей». Погоня за инновациями и постоянным, пусть и минимальным на каждом новом этапе, «улучшением» (нередко это «улучшение» является не более, чем симулякром, маркетинговым ходом, а не реальным прогрессом технологий) потребительских свойств товаров неизбежно приводит к девальвации таких понятий, как «надёжность» и «долговечность». В самом деле, к чему производить стиральную машину, способную проработать двадцать лет, если через три-четыре года существенно изменится набор потребительских свойств и функций, рассматриваемых покупателем как потребность, которая на деле будет заботливо сконстру-

ирована при помощи инструментов рекламы и маркетинга? Таким образом, вещь, ещё вчера характеризовавшаяся как «новинка», уже сегодня рассматривается как безнадежно устаревшая. Так и возникают «музеи» вещей и «архивы» слов, при этом мы имеем в виду не музеи и архивы как учреждения, а некую априорную структуру культурно-исторического бытия, выступающую онтологическим основанием для существования означенных институций. «Архивирование» данных как неотъемлемый элемент современных информационных технологий является технологическим выражением и практическим воплощением этой структуры, хотя эти информационные «архивы» также весьма далеки от архивов традиционных. Находящееся в музеях и архивах может включаться в историю, а может и не находить в ней место. На это обратил внимание ещё в 1915 г. Мартин Хайдеггер в своей лекции «Понятие времени и историческая наука» [10, с. 10]. Для современного исторического сознания память зачастую выступает тем маркером, который определяет отнесение того или иного события к истории или архиву.

История и память как различные, хотя и дополняющие друг друга, способы репрезентации прошлого опираются на различные темпоральные структуры. Как уже говорилось ранее, идея истории укоренена в линейной структуре времени, связана с устремленностью в будущее, что наделяет историческое движение смыслом и придаёт ему необходимую энергетику. Память использует нелинейное время, разорванное, не образующее тотальности, обращённое в прошлое и наполненное вневременными структурами, связанными с экзистенциальными ценностями. Именно эмоциональные и экзистенциальные аспекты Второй мировой войны (Холокост) выступили катализатором процесса трансформации исторического дискурса от историографии к памяти. Исторические травмы обусловили то, что именно Германия и германское историописание многие годы определяло направленность и характер *memory studies*. Актуализация политики исторической памяти в Российской Федерации последнего десятилетия также связана с событиями Второй мировой войны и той тяжелейшей судьбой народа нашей страны, вынесшего колоссальную тяжесть борьбы с нацизмом. Обращение к исторической памяти в Соединённых Штатах последние несколько лет, подобно мемориальной политике Германии и России, связано с наиболее значительным травматическим историческим опытом этой страны — рабством и Гражданской войной. Исторически нейтральное отношение

к деятелям Конфедерации меняется на глазах: мемориализация прошлого возвращает актуальность событиям и людям полутора-столетней давности, наполняя образы эмоциональным и экзистенциальным смыслами. Взаимоотношения между памятью и историей можно описать с помощью терминов «историзация» и «мемориализация». Первая процедура «нормализует» прошлое, переводя его из памяти в историю, освобождая её тем самым от этической или иной вневременной ценностной нагруженности, вторая — конструирует из истории память, вырывая те или иные события из контекста прошлого, присваивая им «окончательную» оценку — положительную или отрицательную. В качестве примера Ямпольский ссылается на знаковый для западного историописания спор Сола Фридендера и Мартина Бросцата, имевший место в 80-е гг. XX в. Бросцат, именитый немецкий историк, человек «левых» взглядов, которого невозможно заподозрить в каких-либо симпатиях к нацизму, выступил с призывом «историзировать нацизм», то есть перестать рассматривать историю Германии 1933–1945 гг. вне контекста общего исторического развития и дистанцироваться от эмоций, категорических оценок, наконец, от индивидуальной и коллективной памяти жертв. Память жертв характеризует Бросцатом как «мифическая» (вневременная). Фридендер же, напротив, настаивает на интеграции памяти в исторический нарратив. Ямпольский полагает, что функция государства, как и прежде, состоит в нормализации истории посредством историоризации памяти. Здесь он ссылается на позицию Карла Шмитта, который утверждал, что государство с помощью своих законов и институций производит из хаоса историю, то есть смысловую конфигурацию социально-культурного бытия [12, с. 169]. Вопрос, однако, в том, что государство в постисторическом обществе, сосредоточившись на политике памяти, скорее, производит память из истории. Характерной особенностью современной культуры памяти является феномен, известный как «конструирование травм» [2].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что воспоминание о прошлом определяется структурой темпоральности наличной культуры, и способы репрезентации прошлого конструируются в соответствии с господствующим типом переживания времени. Линейная история, лёгшая в основу идеи Прогресса и обеспечившая успех западной цивилизации, возникла в результате секуляризации христианской эсхатологии и на рубеже XIX–XX вв. была потеснена распространяющимся нели-

нейным восприятием времени, обернувшись переходом к обществу потребления и смещению репрезентации прошлого от исторического знания к исторической памяти.

Литература

1. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с. [Assmann A. *Raspalas' svjaz' vremjon? Vzljot i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. 272 p. (In Russ.)]
2. Буллер А., Линченко А.А. Прощение и непростение в современной исторической культуре // Философия и методология истории. Сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции; Ноябрь 27-28, 2015; Коломна. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24874110>. Дата обращения: 15.07.2019. [Buller A, Linchenko AA. *Proshhenie i neproshhenie v sovremennoj istoricheskoj kul'ture*. Proceedings of conference *Filosofija i metodologija istorii*. Sbornik nauchnyh statej VI Vserossijskoj nauchnoj konferencii; 2015 Nov 27-28; Kolomna. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24874110>. (In Russ.)]
3. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / пер. с нем., под науч. ред. В. Куренного – М., 2016. – 456 с. [Lübbe G. *V nogu so vremenem. Sokrashhjonnoe prebyvanie v nastojashhem*: per. s nem. pod nauch. red. V. Kurennoho. Moscow; 2016. 456 p. (In Russ.)]
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни: в 2 т. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – С. 158–230. [Nietzsche F. *O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni*. v 2 t. Moscow: Mysl', 1996;1:158–230. (In Russ.)]
5. Нора П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. Дата обращения: 08.12.2020. [Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamjati* [Internet]. *Neprikosnovennyj zapas*. 2005;(2). Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. (In Russ.)]
6. Пахалюк К.А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // Политика. – 2018. – № 4. – С. 6–31. [Pakhalyuk KA. *Historical past as foundation of Russia's polity. Assessing Putin's speeches in 2012-2018*. *Politeia*. 2018;(4):6–31. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-6-31>.
7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое изд-во, 2007. – 348 с. [Halbwachs M. *Social'nye ramki pamjati*. Moscow: Novoe izd-vo; 2007. 348 p. (In Russ.)]
8. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. – 1085 с. [Spengler O. *Zakat Zapadnogo mira: Oчерki morfologii mirovoj istorii*. Moscow: ALFA-KNIGA; 2010. 1085 p. (In Russ.)]
9. Ямпольский М.Б. Без будущего. Культура и время. – СПб.: Порядок слов, 2018. – 122 с. [Jampol'skij MB. *Bez budushhego. Kul'tura i vremja*. Saint Peterburg: Porjadok slov; 2018. 122 p. (In Russ.)]
10. Heidegger M. The concept of time in the science of history. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1978;9(1):3–10. <https://doi.org/10.1080/00071773.1978.11006512>.
11. Leskanich A. History doesn't work: reflections on Martin L. Davies' critique of historicized life. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 2018;22(1):126–136. <https://doi.org/10.1080/13642529.2018.1404344>.
12. Schmitt C. Three possibilities for a Christian conception of history. *Telos*. 2009;(147):167–170. <https://doi.org/10.3817/0609147167>.

■ Информация об авторе

Олег Викторович Герасимов — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки. ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара.
E-mail: oleggmim@gmail.com.

■ Information about the author

Oleg V. Gerasimov — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science. Samara State Transport University, Samara, Russia.
E-mail: oleggmim@gmail.com.